

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ СИНТАКСИСА И ДЕЙСТВУЮЩИХ В ЯЗЫКЕ ТЕНДЕНЦИЯХ

Л. Б. МАТЕВОСЯН

В трудах всех крупных лингвистов нашего времени не оставлен без внимания вопрос об антропоцентризме в языке. Э. Бенвенист обратился к этой проблеме еще в начале 50-х годов. В качестве фундаментального свойства языка в процессе его реализации (*langagen en exercice*) Э. Бенвенист выделяет свойство, называемое им «субъективностью в языке». Сущность этого свойства заключается в способности говорящего присваивать себе язык в процессе его применения. За этим свойством вскрывается еще более общее свойство языка—свойство, именуемое Э. Бенвенистом как «человек в языке», согласно которому основные референционные точки языка как семиотической системы непосредственно соотносятся с говорящим¹.

Антропоцентрический принцип, сущность которого в современной лингвистике характеризуется в различных формулировках, является наиболее естественным и адекватным действительному положению вещей в языковом мире, ибо человек как создатель и носитель языка является центральной фигурой языка «и как лицо говорящее, и как главное действующее лицо мира, о котором он говорит»².

Концепция Э. Бенвениста, «человек в языке», иначе говоря, антропоцентрическая точка зрения на язык «позволяет осмыслить системные связи языковых явлений не в принудительном разделении формы и содержания, а в синтезе, в едином служении их потребностям общества» (Золотова с. 6). Такой подход соответствует современному этапу развития языкознания—этапу семантического и прагматического языкознания.

Принцип антропоцентризма служит одним из оснований процесса «укрупнения грамматики» (в теоретической лингвистике эта тенденция обнаружилась еще в 20-е годы нашего века), сущность которого заключается в дальнейшем обобщении языковых категорий, т. е. в объединении различных категорий языка в рамках «суперкатегорий». Указывая на принцип антропоцентризма как на один из важных принципов современного языкознания, Ю. С. Степанов пишет о том, что «принцип антропоцентризма имплицитно содержится и в концепциях, основанных на «центральной роли синтаксеиса»³.

Известно, что в последнее время в мировой лингвистике центр внимания переместился с языка как системы форм к «языку в действии», «языку в ситуации общения» (*langue en emploi; langue en exercice; langue en situation*). В связи с этим в современной лингвистике на первое место выдвинулся синтаксис, в частности в прагматическом аспекте. Впрочем, в грамматическом строе языка синтаксис занимал и занимает центральное место. Это определяется тем, что объектом изучения синтаксиса являются единицы, «которые непосредственно служат для общения людей и непосредственно соотносят сообщаемое с реальной действительностью, включая сюда как внешнюю, так и внутреннюю, интеллектуальную и эмоциональную сферу жизни»⁴. Заметим, однако, что сейчас, говоря о выдвигении

¹ См.: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974, с. 259—330

² Г. А. Золотова. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982, с. 5.

³ Ю. С. Степанов. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975, с. 51.

⁴ Русская грамматика, т. 2, М., 1980, с. 5.

Синтаксиса на первое место, под термином «синтаксис» имеют в виду не совсем то, что обозначалось этим термином в традиционной лингвистике.— имеют в виду синтаксис в его новом понимании. Новое же понимание синтаксиса связано прежде всего с изменениями в интерпретации понятия «предложение». Еще в 30-е годы понятие «предложение» стало интерпретироваться через два термина: 1) «предложение» и 2) «высказывание» («высказывание как результат речевого акта»). Под термином «предложение» понимают предикативную единицу, под термином же «высказывание» — «объединенные в тексте минимальные сообщающие (коммуникативные) единицы» (Русская грамматика, с. 83). Именно в новом аспекте «синтаксиса высказывания», или «синтаксиса акта высказывания», синтаксис выдвинулся на центральное место.

Вопрос о природе предложения — один из сложнейших и труднейших в лингвистике. Борьба мнений по этому вопросу продолжается и в настоящее время. В нашу задачу не входит раскрытие этой проблемы во всей ее сложности мы коснемся лишь одного аспекта — отношения предложения к высказыванию.

Отсутствии разработанной теории высказывания как единицы речевого общения приводит к нечеткому различению предложения и высказывания, а часто и к полному их смешению. Не давая хрестоматийных определений предложения, отметим, что всякое предложение построено по отвлеченному грамматическому образцу (структурной схеме) и обладает грамматическим значением предикативности. Рассматривая предложение в аспекте коммуникативном, его называют высказыванием.

Предложение — одна из важнейших коммуникативно-синтаксических единиц, но не единственная. Кроме предложений, обладающих свойством членности, свойством воспроизведения определенной структурной схемы (модели), имеются и другие коммуникативные единицы, которые оформлены не только при помощи конструкций, предназначенных «стать сообщением о какой-то действительности» при конкретном лексическом наполнении, «но и при помощи отдельных словоформ или соединений словоформ, такой предназначенности не имеющих»⁵. Такие информативные единицы при однозначном их толковании в современной синтаксической науке не имеют единого наименования.

Коммуникативные единицы, которые не могут выступать самостоятельно, являясь реализованными, а реализуются в определенной ситуации или языковом контексте, называют «непредложенческими коммуникатами»⁶, «релятивами»⁷, «высказываниями» (Грамматика современного русского литературного языка, с. 54; Русская грамматика, с. 419). Ср., например: Хорошо; Спасибо; Здравствуйте; Пожалуйста. Как и предложения, подобные структуры информативны, но в отличие от предложений они синтаксически не членимы, не имеют парадигмы форм, их соотносительность со временем ситуативна, но не синтаксична; предложение — полифункциональная единица, многоаспектная единица, в то время как данные коммуникаты одноаспектны.

Термин «высказывание» в современной лингвистике употребляется как в узком значении, так и в широком. В узком значении «высказывание» — «это предложение в аспекте его коммуникативной структуры, то есть в аспекте его актуального членения» (Сироткина, 1980, с. 110). В широком значении «высказывание» — это коммуникат любого типа, предложенческого и непредложенческого. Мы понимаем «высказывание» в широком смысле этого слова — «высказывание как результат речевого акта» (Степанов, с. 32).

Значимость изучения высказывания вытекает прежде всего из прикладных задач — задач обучения, ибо научиться говорить — значит научиться строить высказывания. Высказывание является основной коммуникативной единицей во всех стилях речи, в том числе в разговорной речи, изучение которой значительно активизировалось на современном этапе развития языкознания.

⁵ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 54.

⁶ О. Б. Сироткина. Лекции по синтаксису современного русского языка. М., 1980, с. 95.

⁷ Г. В. Валимова. Функциональные типы предложения в русском языке. Ростов-н/Д, 1967, с. 133.

Изучение современной русской разговорной речи важно не только в теоретических, но и в практических целях, ибо освоение языка предполагает овладение не только книжно-письменной его формой, но и непринужденной неподготовленной разговорной речью.

В настоящее время в лингвистической науке существуют две точки зрения на сущность разговорной речи. Согласно первой точке зрения, которую выдвигают ученые Института русского языка АН СССР, в частности Е. А. Земская, «разговорная речь представляет собой особую систему, имеющую специфический набор единиц и специфические законы функционирования»⁸. Авторы данной концепции, рассматривая разговорную речь как особую систему, анализируют ее вне сопоставления с другими видами речи. Более того, Е. А. Земская считает, что «разговорная речь не есть нечто вторичное, какая-то редукция кодифицированного литературного языка, а полноправная система»⁹—некодифицированный литературный язык.

Второе понимание разговорной речи выдвигают лингвисты Саратовского университета, в частности О. Б. Сиротянина. По мнению О. Б. Сиротяниной, «разговорная речь одна из реализаций литературного русского языка, и прежде всего его разговорного стиля, в условиях непосредственного общения»¹⁰. О. Б. Сиротянина отмечает также, что разговорная речь не всегда является реализацией разговорного стиля литературного языка, она может быть и нелитературной.

Е. А. Земская дает следующее определение разговорной речи: «...разговорная речь — это такая языковая сфера коммуникации, для которой характерны: устная форма реализации; непринужденность общения; неофициальность отношения между говорящими; неподготовленность речи; непосредственное участие говорящих в акте коммуникации; сильная опора на внеязыковую ситуацию, приводящая к тому, что внеязыковая ситуация становится частью акта коммуникации, «вплывается» в речь; использование невербальных средств коммуникации—жесты и мимика» (Земская, с. 11).

При общности взглядов на разговорную речь как особую систему лингвисты признают определяющими разные факторы—устный характер речи, неофициальность, непосредственность общения, спонтанность. На наш взгляд, все эти факторы взаимосвязаны и накладываются друг на друга, так что трудно определить главенствующий.

Второе истолкование природы разговорной речи представляется нам наиболее реалистичным, так как оно «отражает реальный факт социально обусловленного функционирования языка в разных сферах человеческого общения»¹¹.

Разговорная речь, будучи разновидностью литературного языка, в определенной мере противопоставлена ему, она имеет прежде всего синтаксическую специфику. И не случайно изучение разговорной речи началось с изучения ее синтаксиса. При выделении высказывания в качестве основной коммуникативной единицы синтаксиса разговорной речи исследователи опираются на такой критерий, как интонация. Интонация квалифицируется прежде всего как «важнейшая примета звучащей, устной речи, средство оформления предложения (высказывания), уточнения его коммуникативного смысла и эмоционально-экспрессивных оттенков»¹².

Вместе с тем, хотя «высказывание» вызывает представление о чем-то звучащем, говоримом, а теория высказывания базируется на интонационном оформлении предложения, высказывание является коммуникативной единицей не только устной, но и письменной речи в равной степени. В частности, о значимости интонации для письменной речи писали Л. В. Щерба, Н. И. Жинкин, Н. В. Черемисина. Н. И. Жинкин подчеркивал, что мнение о том, будто «интонация имеет отношение

⁸ Русская разговорная речь. М., 1973, с. 23.

⁹ Е. А. Земская, Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979, с. 21

¹⁰ О. Б. Сиротянина. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974, с. 141.

¹¹ Д. Н. Шмелев. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977, с. 9.

¹² П. В. Черемисина. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. М., 1982, с. 7.

только к устной речи, а не к письменной, глубоко ошибочно и противоречит основным марксистским положениям о звуковой природе языка». И далее: «...интонационный компонент... выполняет очень важную роль. Читающий должен вычитать ту интонацию, которая вписана в текст сочинителем. Без этого невозможно верное прочтение и понимание текста»¹³. Способом фиксации интонации на письме служат знаки препинания. Н. В. Черемисина обнаруживает также особые непунктуационные способы обозначения заданной автором интонации в письменном тексте.

Понятие «разговорная речь» двупланово. Существуют две формы разговорной речи—устная и письменная, а точнее—«разговорная речь возможна только в устной форме речи, а разговорный стиль безразличен к форме» (Сиротинина, 1974; с. 26), письменная форма разговорной речи, пусть в той или иной мере стилизованной, находит отражение в драматургии и в речи персонажей прозы. И изучение письменной формы разговорной речи столь же актуально, сколь и устной.

Интерес лингвистов к изучению разговорной речи был вызван также связью разговорной речи с языковой антиномией «говорящий—слушающий». Языковая антиномия «говорящий—слушающий», являющаяся вместе с рядом других антиномий (например, кода—и текста; возможностей языковой системы—и узуса; означающего—и означаемого; информационной—и эстетической функций) внутренним стимулом саморазвития языка, породила два противоборствующих принципа—принцип экономии и принцип избыточности.

Проблема «экономии» языка как вопрос, решение которого важно для теории языкознания и для практики общения, возникла давно. Мысль о том, что языковая структура должна определяться «экономным распределением» между ее частями, получила достаточно широкое распространение уже в XVII—XVIII вв. в связи с обсуждением разных проектов создания искусственных языков. Эта идея оказалась настолько заманчивой, что позднее, уже в XIX в., ее частично стали распространять и на языки естественные, стремясь «упростить» их, при этом ссылаясь на «природу самого языка». В истории языкознания наметились два основных истолкования проблемы «экономии»: чисто количественное и более широкое, при котором «экономия» отождествляется с совокупностью «всех сил и тенденций» языка.

Так, английский философ и социолог Г. Спенсер понимал «экономия» как сокращение длинных слов и предложений¹⁴, а младограмматик, в частности Г. Пауль,— как дифференциацию форм и категорий в языке¹⁵. Г. Пауль, будучи образованным лингвистом и тонким знатком индоевропейских языков, в отличие от Г. Спенсера, отходит от проблемы «экономии» языка в чисто количественном выражении.

По-новому ставил проблему «экономии» А. А. Потебня, который писал: «...чтобы доказать, что число форм уменьшается, нужно... считать формальные оттенки значений—труд не столь легкий, как счет окончаний»¹⁶. И дальше: «...новые языки вообще суть более совершенные органы мысли, чем древние, ибо первые заключают в себе больший капитал мысли, чем последние» (Потебня, с. 64—65). При такой постановке вопроса А. Потебня не мог понимать «экономия» языка как сокращение слов или длины предложений.

Особую известность принцип «экономии» языка получил в фонетике, а позднее и в фонологии. Поль Пасси в 1880 г., имея в виду звуковую систему французского языка, писал: «Язык постепенно стремится освободиться от того, что является лишним, и выделить то, что оказывается необходимым» (цит. по: Будагов, с. 21). Вслед за Г. Суитом П. Пасси называл первую тенденцию «законом наименьшего усилия», а вторую—«принципом экономии». Обе эти тенденции П. Пасси хотел обнаружить в фонетике.

Предпринималась попытка объяснить причину тенденции к «экономии» языка

¹³ Н. И. Жинкин. Развитие письменной речи учащихся 3—4 классов.—Известия АПН РСФСР, вып. 78, М., 1956, с. 148—149.

¹⁴ См. об этом: Р. А. Будагов. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка?—ВЯ, 1972, № 1, с. 19.

¹⁵ См. Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, с. 301—315.

¹⁶ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. М., 1958, с. 63—64.

смыслами на человеческую лень. Эта точка зрения была развита Е. Д. Поливановым, лингвистические взгляды которого складывались под влиянием И. А. Бодуэна де Куртене и Л. В. Щербы. Факт, что целый ряд типичных эволюционных процессов повторяется в историях самых различных языков (как родственных, так и неродственных), позволил Е. Д. Поливанову обобщить тенденции, которые обнаруживаются в типичных эволюционных процессах. Он писал: «И вот, если попытаться одним словом дать ответ относительно того, что является общим во всех этих тенденциях (и без конца—в самых различных языках—повторяющихся) «типичных» процессов, то лаконический ответ этот—о первопричине языковых изменений—будет состоять из одного, но вполне неожиданного для нас на первый взгляд слова: «лень». И дальше: «Как это ни странно, но тот коллективно-психологический фактор, который всюду при анализе механизма языковых изменений будет проглядывать как основная пружина этого механизма, действительно, есть то, что, говоря грубо, можно назвать словами: «лень человеческая», или «что то же—стремление к экономии трудовой энергии»¹⁷.

Удивляться этому не приходится, так как стремление сэкономить расход трудовой энергии — это общая черта различных видов трудовой деятельности человека. Е. Д. Поливанов устанавливает в виде общего признака для всех видов трудовой деятельности границы экономии энергии: «Экономия трудовой энергии склонна осуществляться (и фактически осуществляется) именно лишь до тех пор, пока сокращение энергии не угрожает бесплодностью всего данного трудового процесса, т. е. недостижением той цели, для которой данный труд вообще предпринимается» (Поливанов, с. 81).

В 1955 г. с аналогичным идеям П. Пасси истолкованием выступает А. Мартини. Французский ученый подчеркивает, что язык постоянно подвергается действию двойного рода сил: с одной стороны, язык изменяется, так как потребности людей в выражении мыслей и чувств все время увеличиваются и усложняются, а с другой стороны — язык не изменяется, так как инерция людей приводит к сращиванию лингвистических средств выражения. «Языковое поведение», по А. Мартини, регулируется принципом наименьшего усилия, или принципом экономии. А Мартини пишет: «Термин экономия включает все: и ликвидацию бесполезных различий, и появление новых различий, и сохранение существующего положения. Лингвистическая экономия—это синтез действующих сил»¹⁸.

Шаг назад в сторону количественной интерпретации «экономии» был сделан американским лингвистом Л. Блумфилдом в его книге «Язык». Он писал: «Даже сейчас ясно, что изменения в языке направлены в сторону укорочения слов и упорядочения их построения: звуковые изменения делают слова более короткими, а изменения по аналогии заменяют нерегулярные образования регулярными»¹⁹. Как видим, Л. Блумфилд возвращается к Г. Спенсеру.

Дальнейшее развитие принцип «экономии» получил в работах Р. А. Будагова, Н. В. Глаголева, В. П. Кобкова, Н. Н. Монтъевой, М. Е. Шафиро, Г. Х. Суярова, Н. В. Черемисиной и других. При этом наибольшей известностью в современной лингвистической науке пользуется толкование принципа экономии, предложенное в работах А. Мартини.

В процессе исторического развития языка принцип экономии конкурировал (и продолжает конкурировать) с принципом избыточности. Говорящий стремится к экономии произносительных и мыслительных усилий, а слушающий заинтересован в развертывании реплики говорящего, так как стремится затратить наименьшие усилия на восприятие и понимание. Принцип экономии, конкурирующий с принципом избыточности, связан, по наблюдениям Н. В. Черемисиной, с тенденцией к стандарту, ибо стандарт предполагает ограничение разнообразия. Человек и сегодня еще стремится зачастую выразить мысль стандартно, по стереотипам, по заданным алгоритмам. Поэтому в стандарте заинтересованы как говорящий, так и слушающий. Однако часто стандарт свидетельствует о бедности и шаблонности мысли и

¹⁷ Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языковедению. Избранные работы. М., 1968, с. 81.

¹⁸ А. Мартини. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960. с. 130.

¹⁹ Л. Блумфилд. Язык. М., 1968, с. 559.

բեռն. Поэтому в практике речи следует придерживаться «золотой середины»: найти то, что способствует и соответствует реализации принципа экономии, но в то же время не приводит к злоупотреблению стандартом.

Լ. Բ. ՄԱԹԵՎՈՍՅԱՆ— Ծարահյուսության արդիական որոշ պրոբլեմների և լեզվում գործող միտումների մասին.— Լեզվի հիմնական հատկությունը, ըստ է. Բենվեդիստի, այն է որ մարդը կարող է գործառության ընթացքում լեզուն ենթարկել իրեն: Նման մոտեցումը համապատասխանում է լեզվաբանության զարգացման ժամանակակից փուլին՝ իմաստային և պրագմատիկ լեզվաբանությանը:

Վերջերս համաշխարհային լեզվաբանության ուշադրության կենտրոնում է լեզուն, ոչ թե որպես ձևերի համակարգ, այլ «լեզուն գործողության մեջ», «լեզուն հաղորդակցության իրավիճակում»: Այդ կապակցությամբ ժամանակակից լեզվաբանության մեջ էլ ավելի կենտրոնական տեղ է զբաղեցնում շարահյուսությունը: Ծարահյուսության մոր հասկացությունը կապված է 90-ական թթ. կատարված «նախադասություն» հասկացության փոփոխությունների հետ: «Նախադասություն» հասկացությունը մեկնաբանվում է երկու տերմիններով՝ նախադասություն և արտահայտություն: Արտահայտությունը խոսակցական լեզվի հիմնական հաղորդակցական միավորն է: Վերջերս լեզվաբաններն ակտիվ ուսումնասիրում են խոսակցական լեզուն, քանի որ լեզվի իմացությունը ենթադրում է նաև խոսակցական լեզվի տիրապետում: Լեզվաբանների հետաքրքրությունը դեպի խոսակցական լեզուն կապված է նաև «խոսող-լսող» անտիմոմիայի հետ: Այդ լեզվական անտիմոմիան ի հայտ է բերում երկու սկզբունք՝ խնայողական և հավելյալ: Խնայողական սկզբունքը կապված է ստանդարտի միտումի հետ: